

УДК 930.2

Г.Э. Рафикова

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, г. Казань

**ГОРОД МИНСК НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ:
ОТРАЖЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В
ДНЕВНИКЕ А.АНДЕРСОН**

Изучение военной повседневности остается актуальным направлением среди исследователей истории Первой мировой войны. Проблема «человек и война», охватывающая разные аспекты социальной истории на грани психологии, социологии, обществознания, экономики, развивается в двух направлениях: «человек на войне» и «человек рядом с войной». Именно они помогают нам окунуться не в сухую статистику военных данных, а посмотреть глазами очевидца на происходившие события [1, с. 168].

Если подходить к проблеме «человек рядом с войной», то нужно учитывать, что и здесь необходима градация на тыловую и прифронтовую повседневность. Тыловая часть повседневности мирного населения в условиях войны находит отражение не только в статистических данных, архивных материалах различных организаций и ведомств, но и в периодической печати, выходившей в тылу регулярно и освещавшей все события или происшествия того или иного населенного пункта. Сложнее обстоит дело с прифронтовой полосой, где события очень быстро менялись в ту или иную сторону: наступление сменялось отступлением, беженцы, эвакуация, переброска людских ресурсов и вооружения, вносящие хаос в окружающую действительность. В этих условиях и периодика либо выходила нерегулярно, либо вообще прекратила свое существование. Единственным источником

информации могут служить источники личного происхождения. Большею частью это воспоминания, мемуары о прошедших событиях, а также письма и дневниковые записи, но объем последних незначителен.

В этом контексте очень интересен дневник, обнаруженный нами в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета. Он принадлежит Адельхейд (Адель) Юлии Андерсон (1853–1930) [2], жене профессора Казанского университета Николая Андерсона, которая проживала в первые месяцы войны в приграничном со стороны России городе Минске [3]. Дневник написан на немецком языке и охватывает период с сентября 1914 г. по февраль 1915 г. К лету 1915 г. Адель вернулась к сыну в Казань, и таким образом дневник оказался глубоко в тылу.

Минск, находившийся недалеко от линии фронта осенью 1914 – зимой 1915 г., был не только пунктом переброски вооружения, техники и людских ресурсов благодаря железнодорожному узлу, через Минск проходили пути транспортировки раненых, военнопленных и беженцев. Кроме того, здесь проживало большое количество национальностей, среди которых были евреи, немцы, поляки, турки и другие. Адель Андерсон на момент написания дневника проживала в Минске вместе со своей старшей сестрой в небольшой квартире в центре города. Она была этнической прибалтийской немкой, лютеранского вероисповедания. Дневник интересен тем, что его автором был не простой обыватель. Адель, в девичестве Фохт, была дочерью врача Минского военного госпиталя Августа Вильгельма Фохта, женой профессора Казанского университета Николая Андерсона. Сестра Адель – Мария Фохт – была преподавательницей немецкого языка в женской гимназии Минска, а брат Карл Фохт – директором Санкт-Петербургской восьмой гимназии и реального училища. Адель была хорошо образована, начитана, помогала в научной работе своему сыну Вальтеру Андерсону, на момент начала войны еще студенту,

позже тоже профессору Казанского университета. Необходимо добавить, что документ был обнаружен нами случайно. На тот момент он не был идентифицирован. Нам удалось не просто определить автора, но и найти прямых родственников Адель в Германии. Поэтому расшифровка записей и идентификация событий и лиц, описанных в дневнике, проходила совместно с потомками автора.

Итак, Адель был 61 год на начало войны. Дневник охватывает период с сентября 1914 г. по февраль 1915 г. Т. е. начат буквально на второй месяц войны. Записи в дневнике велись практически ежедневно, за исключением декабря и января. Дневник написан не для личного пользования и прочтения и не для постороннего читателя. Он является монологом, обращенным к сыновьям. Понимая, видимо, что она находится в центре военных событий, Адель фиксирует все происходившее в городе, как рассказ своим детям.

Адель проживала в центре города на улице Магазинная, перпендикулярной центральной улице Губернаторской и параллельной ул. Захарьевская, поэтому могла наблюдать за многими событиями прямо из окна своей квартиры. Круг ее общения определялся знакомыми и родственниками из прибалтийских немцев города, а также соседями, среди которых была и еврейская семья.

Первые записи дневника, начатого 8 сентября, отражают растерянность в связи с началом войны и неверие, что она может продолжаться долгое время, «нервным напряжением», а также наблюдением движения военных в сторону границы и поступления раненых в госпитали Минска. Уже 10 сентября появляются слухи о возможном прибытии беженцев из Вильно (Вильнюс).

Проблема беженцев – это одна из наиболее интересных тем дневника. Автор зафиксировала не только количественный, но и национальный состав беженцев. Приграничный и относительно спокойный Минск принял на себя

поток беженцев и стал транзитным городом при их перемещении вглубь России. Первые сообщения касаются евреев, которые составили первую волну переселенцев. 16 сентября: «Сегодня тетя видела на улице две телеги, битком набитые людьми с узелками, ящиками и вещами. Говорили, что это беженцы. Я думаю, это неправда, откуда они должны прибыть? С лошадьми нельзя пройти путь от фронта до сюда. Для меня это загадка. Вероятно, они просто шли из деревни в город». На следующий день, 17 сентября она поясняет предыдущую запись: «Сюда прибыло 500 еврейских семей, беженцы из Гродно и окрестностей... Частично их разместили в синагогах». 18 сентября она дополнила сведения, что это были бедные еврейки и их дети: «Их переправили... совершенно бесплатно. Здешние еврейские благотворительные общества приняли их и разместили по квартирам. Мужчин среди них было немного», – пишет она. Евреи, которых и без того было в Минске большое количество, заполнили городские улицы. К февралю 1915 г. евреев становится так много, что «еврейский союз бедных никого больше не хочет. Из Гродно отправляют женщин, детей и стариков, мужчин от 18 до 50 лет оставляют» (18 февраля). Нужно сказать в этой связи, что, несмотря на то, что Адель являлась немкой, неприязни к евреям она не испытывала. Любые описания событий или диалогов с евреями, в том числе и соседями, не носят в себе негативного оттенка.

Постепенно к беженцам-евреям добавляется и множество других национальностей. Город заполняется разнообразием иностранных языков. Она пишет, что много чешской и польской речи, «наступает очень сильно польский элемент» (3 октября), а ведь раньше «каждое польское слово на улице было предосудительно». 1 октября она пишет: «Приезжает много семей из Варшавы, преимущественно семьи госслужащих. Гостиницы, наверное, переполнены. Раньше приезжали люди из Ковно (Каунас) и Гродно, теперь из Варшавы.

Варшава вряд ли будет взята, но возможно там слышны выстрелы, это не каждый выдержит». 27 октября: «Сегодня я шла за мужчиной и женщиной, которые живо беседовали на иностранном языке. Несмотря на то, что я внимательно слушала, я не поняла ни слова и не распознала язык». Служанка дома пояснила, что это были литовцы.

В городе постепенно создается дефицит продовольственных и непродовольственных товаров: «Одеколон начинает заканчиваться, нужные нам сорта больше не поступают, также это стало очень дорого. Сегодня мы с тетей покупаем бутылку, которая раньше стоила 80 или 90 к., за 1 р. 35 к., но голландское какао еще есть. Сегодня я была в лавке «Амстердам», где они только что получили посылку и радовались этому. Я спросила, каким образом они ее получили, и получила уклончивый ответ: окольными путями» (12 сентября). «Жена Фредис, сестра которой зубной врач, рассказала нам сегодня, что скоро не будет пломб, так как они прибывают из Германии» (15 сентября). «Калорийный шоколад, который обычно я покупаю, закончился. Дважды лавка «Амстердам» получала товары из Голландии через Румынию. Сейчас дела не идут, написали» (4 октября). «В лавке «Амстердам» мне сегодня сказали, что они получат еще одну партию шоколада и какао из Голландии. Им сегодня написали, партия придет через Петроград. Две партии, которые передали как пассажирский груз, прибыли через Лондон и Румынию. Но они были 5 недель в пути» (7 октября). «Кухарка мне рассказала, что солдаты принесли из Восточной Пруссии очень много вещей и очень дешево их продают. Таким образом, ее деверь купил в Ковно 50 аршин шерстяной ткани за 10 к. и отправил жене в деревню. Наша кухарка сожалела, что он ей ничего не послал» (15 октября). «В это время в Минске всегда была прекрасная копченая сельдь, теперь ее негде взять. Тот, у кого есть засоленная, вероятно продает. Я ем

теперь астраханскую копченую сельдь, но она пока не такая хорошая, как настоящая» (31 октября).

В городе начали расти цены, и местное население связывает это с прибытием большого количества беженцев. Приезжие готовы купить продукты на рынке по любой цене, чем воспользовались местные крестьяне и подняли цены, чтобы заработать. Такая же ситуация и в соседних губерниях: «Много состоятельных семей прибыли сюда из Варшавы, которые помогли нам в удорожании продуктов, а также квартир. Фрау Земель рассказала сегодня, что ее знакомая хотела купить на рынке поросенка, которого крестьянин отдавал за 1 руб. 20 к. Подошла пара польских дам и говорили: «Это очень дешево, у нас в Варшаве такой же поросенок стоит минимум 3 руб.» «Ну, если он стоит 3 р. в Варшаве, я отдам его вам за 2», сказал радостно крестьянин. Они купили и с тем ушли. Польский господин проделал ту же штуку с гусями, которых он находил также страшно дешевыми. Крестьяне сразу смекнули, когда польские господа уйдут, мы сохраним высокие цены» (2 октября). «Шерстяные вещи, равно как и вообще теплые ткани, стали дорогими, так как много из этого используется для армии. Евреи в лавках сетуют, что они не могут получать товары, так как польские фабрики не работают. Большинство [товаров] сюда привозили из Польши» (16 октября).

Военные будни города складываются и из больших мероприятий, таких как, например, благодарственные молебны в честь побед русской армии или визит императора на фронт 22 октября: «Сегодня здесь был наш император. Он оставался примерно 4 часа и посетил госпитали. Я видела его, пусть только мельком, когда он проезжал. Я стояла на Захарьевской. Так просто и спокойно я не представляла себе это высокое посещение. Дома были украшены флагами и украшены вообще, имелись также триумфальные арки. На одной стороне улицы стояло несколько рядов солдат в серых шинелях без какого-либо

оружия, на другой стороне ряд гимназистов, дальше, вероятно, также гимназистов и учеников реального училища. По тротуарам передвигалась совершенно свободно публика, только помещения посреди улицы должны были быть пустыми. Если кто-то хотел перебежать, его отгоняла полиция, и это каждый раз вызывало смех публики. Передо мной стоял молодой солдат, у которого замерзли ноги, поэтому он танцевал с одной ноги на другую и был очень весел. Старший солдат закричал ему: «Смирно!» Однако он смеялся и прыгал туда-сюда еще веселее. Солдаты были ополченцами и очень охотно беседовали с некоторыми из публики. Когда автомобили приблизились, послышалось издали «Ура», тут встали все навтыжку и закричали очень сильно «Ура», так, что у меня зазвенело в ушах». 23 октября: «Вчера до ночи в городе было большое веселье. Манифестации тянулись по улицам, много пели и кричали «Ура». Также сегодня днем я встретила на улице колонну манифестантов. Школы получили свободных три дня. Город еще украшен».

Также в городе проходят различные благотворительные акции, такие как День флага, первое сообщение о котором отмечено 14 сентября: «Мы все были заняты нашим днем флажков: одни покупали, другие продавали. Скоро флаги были распроданы, тут взялись за свежие цветы и колосья, которые также находили быстрый сбыт. Так поступили многие. Один младший гимназист украсил всю шапку флагами. Маленький мальчик, у которого, очевидно, не было денег и поэтому не было флага, подбежал ко мне и просил один из моих. Конечно, я подарила ему флаг, с которым он убежал очень довольный». 26 сентября: «Несмотря на дождь и шторм сегодня очень бойко торговали флагами: для теплой одежды для раненых. Раз люди при такой погоде продавали, значит, и я могла купить. Я оделась соответственно погоде и медленно бродила вдоль улицы с моей лептой в руке. Мне не нужно было слишком далеко идти, продавщицы скоро окружили меня, как мухи горшок с

медом, чтобы прикрепить мне флажок. Когда мои руки опустели, я больше не останавливаясь возвращалась ввиду многих трофеев на моем пальто». 21 октября: «Сегодня снова был день флажков. Я, естественно, также купила. Это было для улучшения [жизни] семей запасных. Значки изображали герб Минска, три реки, только я точно не знаю, какие именно. Вероятно: Свислочь, Березина и Неман... Все в Минске наперегонки шьют и вяжут для раненых, и так, наверное, во всех городах».

Город наполнен множеством слухов и событий. Кто-то видел дирижабли и опасается, что с них будут сбрасывать бомбы. Кто-то видел, как с фронта привозили больных тифом и оспой, и опасается вспышки заболевания в городе. Все обсуждают победы и поражения на фронте, ждут появления кометы и связывают ее с дурным предзнаменованием. В городе постоянно происходят крупные пожары, комично в этой связи выглядит история с фабрикой сухарей.

4 октября: «Вчера вечером у нас был убыток от пожара поблизости. Сгорело здание бывшей фабрики гребней [французская фабрика дамских гребней], где теперь располагается фабрика сухарей для армии. Горело более внутри, но спектакль был большой, так как толкалось много зрителей. Это было Schabbesabend [тараканий вечер, толчя]». 10 октября: «Уже 11-ое, так как время полтретьего. В час я хотела идти спать. Тетя была уже в кровати, когда она услышала, как бегут люди, и поэтому подошла к окну. Вдоль улицы стелились плотные облака дыма. Она пришла ко мне и сказала совсем естественно: «Кажется, поблизости горит». Да, это горело действительно поблизости, а именно снова несчастная фабрика сухарей, и на этот раз основательно. Амбар рядом с фабрикой также был объят ярким пламенем и очень громко трещал. К счастью, пожарная команда прибыла быстро и быстро погасила... Теперь некоторое время будет немного отдыха, до тех пор пока фабрика не восстановится. Фабрика сухарей, кажется, еще огнеопаснее, чем

фабрики гребней». 16 октября: «Фабрика сухарей скоро будет отремонтирована, там уже работают несколько дней. Я только опасаюсь, что там снова скоро будет пожар». 17 октября: «Сегодня фабрика сухарей горела снова и основательно, уже третий раз за две недели, три пятницы друг за другом. Когда прозвенела [проехала мимо с гудком] пожарная команда, мы сидели за картами, я сказала безразлично: «Это фабрика сухарей!» Так это и было. Хотелось бы увидеть, будет ли гореть в следующую пятницу снова. На этот раз мы были очень спокойны с тетей». 26 октября: «Фабрика сухарей больше не работает. Владельцы близлежащих домов подали прошение в Думу о возможности ограждения их от огнеопасных вещей».

Отдельного внимания заслуживает вопрос межнациональных отношений. Крайне любопытным в этой связи является то, что Адель сама являлась немкой, что в условиях войны с Германией ставило и ее в некое двусмысленное положение. Как мы знаем, в России уже в 1915–1916 гг. развились антинемецкие настроения, вылившиеся в массовые немецкие погромы во многих городах, а также интернирование лиц немецкой, польской и других национальностей в отдаленные районы империи, так называемые места водворения.

Так как же автор дневника обозначала себя в столь непростых условиях войны с Германией?! Здесь нужно сказать, что она очень ясно дистанцируется от подданных Германии, называя русских немцев «мы» и «русские немцы», а немцев Германской империи «они». Она использует также для их обозначения слово «пруссаки», в которое вкладывает негативный смысл. «Пруссаки представляются мне примерно такими зловещими как марсиане с их длинными пушками и множеством летательных аппаратов» (14 сентября). Рассуждая о газетных статьях, о жестокости немцев на завоеванных территориях она восклицает: «Немцы чисто дьяволы!» (15 сентября). Два раза использовано

слово «германцы» (16 сентября и 7 октября), причем если дневник на немецком, то это слово написано по-русски и закавычено. Вероятно, это слово употреблялось русской частью населения Минска. В дневнике Адель часто прибегает к русским выражениям, особенно там, где ей хочется сделать акцент на услышанном или там, где она не может перевести это на немецкий.

Адель делает различие между воюющими немцами и австрийцами, например, пересказывая слова своей кухарки, в которых, видимо, отражено общее настроение населения, она пишет: «Австрийцы, это хорошие люди, они не хотят бороться с нами и они тоже захваченные» (9 сентября).

Особенный интерес местного населения вызывали первые пленные немецкие солдаты, местное население постепенно привыкает к виду немецких солдат и к их присутствию в повседневной жизни города. Первое сообщение о пленных в дневнике появилось 22 сентября: «Позавчера прибыли 3 вагона с ранеными, которые воевали близ Друскеники (Друскининкай, город в Литве на границе с Белоруссией, недалеко от Гродно). Среди них есть также немецкие солдаты». 23 сентября появляется первое описание военнопленных: «Жена пастора рассказывала, что видела на вокзале двух немецких офицеров, которые обедали в столовой. За их стульями стояли 2 солдата с обнаженными саблями. Они конвоировали офицеров в уборную, не заботясь о публике, которая стояла и рассматривала их молча. Наконец, один еврей сказал удивленно: «И ничего особенного в них нет, совсем люди как мы».

26 сентября: «Сегодня кухарка видела, как группу пленных австрийцев привели к вокзалу. По дороге они отдыхали, так что она могла их рассмотреть. Она говорит, это не были солдаты, они выглядели скорее как крестьяне. Среди них были очень молодые. Она испытала большое сострадание к ним, так как они выглядели очень усталыми».

Чуть позже, 18 октября Адель описала случай с австрийским пленным, умершим в плену: «Сегодня я видела, как хоронили двух солдат, т. е. я видела, как поезд двигался к кладбищу: две машины, на каждой отполированный гроб и сверху на гробу солдатская шапка. На каждой машине рядом с гробом лежал деревянный окрашенный крест с надписью. Он воздвигается у могилы. Машины сопровождалась толпой солдат, впереди шел священник. Этот поезд своей простотой произвел на меня глубокое впечатление. Я шла погруженная в мысли, и меня обогнала другая машина, которая ехала в противоположную сторону. Два солдата сидели на переднем сиденье, такой же гроб, который я видела ранее, стоял на машине, такой же крест лежал рядом с гробом. Но никакой солдатской шапки не было, и никто не сопровождал гроб. Две пожилые женщины сострадательно смотрели вслед машине и говорили: «Это австриец, его везут на лютеранское или католическое кладбище». «Да», – вздыхала одна, – он не по своей воле пошел на войну. Его послали, что он должен был делать. Он будет погребен здесь в чужой земле, а дома плачет его мать или его жена. Тяжелые времена, тяжелые времена! Господи помилуй». И они заковыляли, покачивая головой дальше». Таких отрывков можно привести достаточно много.

Позже в дневнике появляются описания работы с пленными вольнонаемных санитаров (волонтеров), например то, как одна из знакомых Адель немецких девушек помогала пленному писать письмо домой, естественно на немецком языке.

Нужно отметить, что здесь очевидно просматривается отсутствие германофобии и ненависти к противнику, сочетающееся с простым обывательским любопытством и состраданием. Видимо контраст газетных публикаций о жестокости немцев пока еще шел вразрез с реальным восприятием населения их образа. Особенно на приграничных территориях.

Еще один аспект национальной проблемы, который коротко хотелось бы затронуть, это германофобия в отношении немецкого населения западных губерний. Дневник охватывает всего несколько первых месяцев войны, но благодаря ему мы можем ответить на вопрос: как относились в России к немецкому населению в начальный период военных действий.

Одна из первых записей, затрагивающих эту тему, 10 сентября. Речь идет о случае со знакомой Адель, немкой, гостившей в небольшом имении близ Минска. В имение прибыли 200 подвыпивших резервистов. Хозяйка дома плохо говорила по-русски, испугалась и стала предлагать резервистам деньги, чтобы они ушли. Но им нужна была еда. Постоялица хозяйки понимая, чем может обернуться конфликт, заставила хозяйку дать шнапс и еду, а также пила за их здоровье, ходила под руку с их командиром. «Люди стали вежливыми и выражали ей много благодарностей» и, поев, уехали, констатирует Адель. Эпизод демонстрирует, что даже в армии не было предосудительного отношения к немцам-соотечественникам. Более того пока еще немцы служили в регулярной российской армии, так как подлежали призыву. Адель неоднократно делится услышанным о судьбе сыновей своих знакомых из прибалтийских немцев, которых призвали в регулярную армию. Из строк дневника представляется вполне очевидным, что они, как подданные Российской империи, служат на равных условиях с остальными призывниками других национальностей. Также ее родственники и знакомые немцы продолжают работать на государственных должностях: в учебных заведениях, врачами, на железной дороге. Кроме того, приходят известия и о гибели русских немцев на фронте: Адель упоминает о гибели племянника минского доктора-немца, сына пастора из Митау (Елгава, Латвия). А, например, сын ее знакомых Эрнст Земель был представлен к Георгиевскому кресту (30 октября).

Однако ситуация уже изменилась для некоторых категорий немцев, проживавших в России, в частности тех, которые имели немецкие паспорта. 24 сентября Адель упоминает о знакомой семье Фогель, 19-летний сын которых немецкий подданный. Юноше не продлили вовремя немецкий паспорт, и родители подали заявление на принятие российского подданства. Адель пишет, что по этому вопросу семья была на приеме у губернатора и, несмотря на желание полиции выслать его, он остался. Ситуация изменилась уже к 15 октября. Молодой Фогель должен был отправиться в ссылку, но заболел. Это позволило ему задержаться в Минске, однако под надзором полиции, так как ему был присвоен статус военнопленного.

В дневнике также отсутствуют какие бы то ни было записи, описывающие наличие у горожан неприязни к местному немецкому населению. Однако еще в сентябре Адель вынуждена констатировать: «Мы – русские немцы. Но, я думаю, сейчас не делают большое различие, газеты очень сильно занимаются травлей. Есть также много очень нетактичных людей, которых нельзя не заметить». Последняя запись дневника, так или иначе касающаяся межнациональных отношений в Минске весьма символична. Адель пишет: «Здесь чувствуется собственно меньше ненависти, наверное, из-за того, что население слишком пестрое и преобладают евреи».

Дневник А. Андерсон необычайно интересен в плане чтения благодаря четкости изложения и охвату большого количества событий, происходивших в прифронтовом Минске. Это дневник образованного человека, критически относящегося к окружающей его действительности и с немецкой педантичностью фиксирующего происходившие события. Ясность изложения, деликатность, аккуратность в высказываниях, без сомнения, подкупают исследователя и относят этот документ к разряду уникальных источников по истории повседневности Первой мировой войны.

Литература

1. Бригадина О.В. Война в человеческом измерении: к вопросу о повседневной жизни населения Российской империи в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. матер. Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. – Минск, 2014. С. 168–173.
2. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Ед. хр. 4032, Л. 1–8.
3. Рафикова Г.Э., Ибрагимов Ф.А. Биографика Казанского университета: Андерсоны // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 134–142.

Статья поступила в редакцию 16.05.2020, опубликована:

Рафикова Г.Э. Город Минск на военном положении: отражение повседневности Первой мировой войны в дневнике А.Андерсон // Гуманитарные науки в XXI веке. 2020. № 14-15. С.90-105

Сведения об авторе: *Рафикова Гульнара Эрнстовна*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: grafikova@mail.ru.

Аннотация: Социальный аспект истории Первой мировой войны продолжает оставаться наиболее актуальным направлением исследований. Важным источником по истории повседневности войны являются воспоминания, мемуары и дневники. Наиболее интересными в плане исследования повседневности являются приграничные территории Российской империи, испытывавшие все тяготы подобной жизни рядом с войной. Город Минск являлся именно таким прифронтовым городом. Война спровоцировала возникновение здесь многих социальных проблем. Был разрушен

традиционный уклад жизни как городского, так и сельского населения, часть территории была оккупирована, остальная часть представляла из себя фронтную и прифронтную зоны. Предметом нашего исследования стала рукопись дневника Адельхейд (Адель) Юлии Андерсон (1853–1930), жены профессора Казанского университета Николая Андерсона, оказавшейся на момент начала Первой мировой войны в прифронтном г. Минск. В ее дневнике нашли отражение не только события, происходившие в городе, но и мироощущение и миропонимание Адель, как этнической немки, оказавшейся на противоположной от Германии стороне.

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневность, Минск, Адель Андерсон, дневник.

G.E. Rafikova

Leading Researcher at Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Kazan

MINSK CITY IN A MARTIAL LAW: DEMONSTRATION THE DAILY DAYS OF THE FIRST WORLD WAR IN DIARY A. ANDERSON

Annotation: The social aspect of the history of the World War I continues to be the most relevant area of research. An important source on the history of everyday life of people in the war are memories, memoirs and diaries. The most interesting for the study are the border areas of the Russian Empire, who experienced the complexity of life near the war. The city of Minsk was just such a front-line city. The war provoked the emergence of many social problems here. Part of the territory of the Minsk province was occupied; the rest was front and front-line zones. We study the manuscript of the diary of Adelheid (Adele) Julie Anderson (1853–1930), the wife of professor at Kazan University Nikolai Anderson. In the first months of the outbreak

of World War I, she lived in Minsk. Adele describes the events that took place in the city and at the front.

Keywords: World War I, everyday life, Minsk, Adele Anderson, diary.